

Бирюков Павел Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного
и евразийского права юридического факультета
Воронежского государственного университета

Искусственный интеллект: вызовы современной юридической науке

Введение

Как известно, термин «искусственный интеллект» (далее — ИИ) включает в себя системы, которые: а) выполняют задачи в изменяющихся обстоятельствах без значительного человеческого контроля, а также б) могут извлекать уроки из опыта своего функционирования и улучшать свои показатели¹. Чем более человекоподобна система в контексте своих задач, тем больше она использует ИИ. Если говорить утрированно, то ИИ можно определить как компьютерную программу с возможностью самообучения, установленную на соответствующем оборудовании (или «умный софт на железе»).

В настоящее время сфера применения ИИ чрезвычайно широка: энергетика, машиностроение, оборона, транспорт, образование, здравоохранение, правоохранительная деятельность и т. д.² ИИ содержится в программном обеспечении оборудования, оружия, бытовых предметов, гаджетов и проч.

В 2023 году Генсек ООН объявил о формировании «Консультативного органа высокого уровня по вопросам искусственного интеллекта»³. Он должен поддерживать усилия международного сообщества по управлению ИИ, анализировать риски и возможности его использования.

Надо сказать, что Запад не дремлет. Во многих государствах (США, Великобритания, ФРГ, Испания и др.) активно развивается концепция ИИ, приняты соответствующие нормативные акты и документы «мягкого права».

В ноябре 2023 года в Блетчли-парк (Великобритания) состоялся первый международный саммит по безопасному использованию ИИ. Участвовало около 100 экспертов и гостей, в числе которых вице-президент США, глава Еврокомиссии, Генсек ООН, Илон Маск, президент *Microsoft*, глава *Google DeepMind*, а также гендиректор *Open AI* (разработчик *ChatGPT*). В результате была принята «Декларация Блетчли по безопасности ИИ»⁴. Документ был подписан 27 государствами (Австралией, Великобританией, Германией, Израилем, Индией, Ирландией, Испанией, Италией, Канадой, Китаем, Нидерландами, ОАЭ, Южной Кореей, Сингапуром, США, Францией, Швейцарией, Японией и др.) и представителем Европейского союза (далее — ЕС). Участники сосредоточились на «определении рисков в области безопасности ИИ и разработке общего их понимания». Кроме того, государства намерены сотрудничать при разработке национальных стратегий в отношении ИИ. Государства и ЕС высказались за прозрачность разработок ИИ представителями частного сектора и заявили о своем намерении обмениваться соответствующей информацией и опытом.

21 марта 2024 года Генассамблеей ООН была принята Резолюция «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития»⁵. Резолюция посвящена системам ИИ **в невоенной сфере**, «жизненный цикл которых включает этапы предварительного проектирования, разработки, оценки, тестирования, внедрения,

¹ См.: Artificial Intelligence. URL: <https://www.ec.europa.eu/digital-single-market/en/artificial-intelligence>. Artificial Intelligence: A Modern Approach / by Stuart Russell, Peter Norvig, Pearson, 2013. 1152 p.; Ertel W. Grundkurs Künstliche Intelligenz: Eine praxisorientierte Einführung. Springer Vieweg, 2013; Ramge T. Mensch und Maschine. Wie Künstliche Intelligenz und Roboter unser Leben verändern. Reclam Verlag, Stuttgart, 2018; Vergleich nationaler Strategien zur Förderung von Künstlicher Intelligenz. Sankt Augustin / Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V., 2018; и др.

² См.: Neapolitan R., Jiang X. Artificial Intelligence: With an Introduction to Machine Learning. Chapman & Hall / CRC, 2018; Stuart Russell. Human Compatible: AI and the Problem of Control. Penguin Books, Limited, 2019. 336 p.; Somos conscientes de los retos y principales aplicaciones de la Inteligencia Artificial? URL: <https://www.iberdrola.com/innovacion/que-es-inteligencia-artificial> (дата обращения: 15.03.2024); и др.

³ Гутерриш дал старт работе глобального Консультативного органа по искусственному интеллекту. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446237> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ AI Safety Summit 2023: The Bletchley Declaration. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-summit-2023-the-bletchley-declaration> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Резолюция ГА ООН A/78/L.49 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». URL: <https://ai.gov.ru/upload/iblock/588/lityi72zuu6rlj3x09cbf84f6mkz6qmk8.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

использования, продажи, закупки, эксплуатации и вывода из эксплуатации и которые являются антропоцентричными». Они должны быть «надежными, объяснимыми, этичными, инклюзивными, в полной мере уважающими, поощряющими и защищающими права человека и международное право, обеспечивающими конфиденциальность, ориентированными на устойчивое развитие и ответственными». Управление ИИ только формируется, поэтому необходимо искать возможные подходы, которые должны основываться на «международном праве». При принятии внутренних нормативно-правовых и организационно-управленческих подходов в сфере ИИ государства должны создавать безопасные, защищенные и надежные системы ИИ.

В настоящее время применение предметов с ИИ влечет за собой возникновение, изменение и прекращение правоотношений в различных сферах. В этой связи возникает множество теоретических и практических проблем; остановимся лишь на некоторых из них.

Основное исследование

Первая проблема. Каков юридический статус у самого ИИ? Он уже субъект права или еще нет? Если да, то каковы последствия для отечественной юридической науки и российского законодательства? Если нет, то каков статус продуктов с ИИ в российском праве?

В нашей стране под субъектом права традиционно понимается лицо, обладающее правоспособностью, то есть способностью иметь права и обязанности¹. В зарубежной науке дают сходные определения².

Вместе с тем жизнь показывает, что чем шире сфера автономной робототехники, тем меньше ИИ можно считать простым инструментом в руках субъектов права (производителя, оператора, владельца, пользователя и т. д.).

В зарубежной литературе уже активно дискутируются предложения о введении в правовую материю «электронного лица» (*e-person*)³. Это, в свою очередь, ставит под сомнение достаточность обычных правил для регулирования отношений с участием ИИ, включая вопросы ответственности за его действия.

С формальной точки зрения ИИ в России пока еще не субъект права⁴. Следовательно, он не может нести ответственность за ущерб, причиненный продукцией с ИИ. В то же время мы видим, как идет накопление нормативного материала, как продвигаются научные исследования в данной сфере. Думаем, что с точки зрения общей теории права нет препятствий к наделению ИИ качеством правосубъектности; дело лишь за изменениями в законодательстве⁵.

Правда, некоторые ученые отрицают возможность наделения продукции с ИИ правосубъектностью⁶. Возникает вопрос: «Почему, собственно говоря? Чем эта правовая фикция отличается от,

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. Москва: Юридическая литература, 1981. С. 138; Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник СПбГУ. 2014. Вып. 1. Сер. 14. С. 33–39; и др.

² См.: James Dunbar-Brunton M. A. The Law and the Individual. Macmillan Master Series. 1979. P. 76; Eric Hilgendorf, Jan C. Joerden (Hrsg.). Handbuch Rechtsphilosophie. Metzler, Stuttgart 2017. Pp. 373–378; Klunzinger E. Einführung in das Bürgerliche Recht. 2013. P. 46; Stefan Klingbeil. Der Begriff der Rechtsperson // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2017. Band 217. Pp. 848–885; и др.

³ См.: Scheufen M. Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht: Die e-Person aus ökonomischer Sicht / Artificial Intelligence and Liability Law: The e-Person from an Economic Point of View // Wirtschaftsdienst. June 2019. № 99 (6). Pp. 411–414; Zeytin Z. Law and Artificial Intelligence: E-Person, Liability, and A Legal Application Example. URL: <https://robotic.legal/en/amp/hukuk-ve-yarapay-zeka-e-kisi-mali-sorumluluk-ve-bir-hukuk-uygulamasi>; Lim Chong Kin. AI, Machine Learning & Big Data: Singapore 2020 // Global Legal Insights: URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-datalaws-and-regulations/singapore>; Бирюков П. Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского Союза // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2020. Т. 12. № 4. С. 39–49; и др.

⁴ См.: Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170; Робот как субъект права: недалекое будущее или утопия? URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20230829/309167257.html (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ См.: Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник БФУ имени И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. 2021. Вып. № 3. С. 12–20; Попова А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 14–24; и др.

⁶ См.: Бегишев И. Р. Проблема определения правосубъектности роботов // *Ex Jure*. 2021. № 3. С. 7–16; Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48; и др.

скажем, категории юридического лица? Наличием отдельного имущества? Обособленностью? Наличием собственной воли? Способностью участвовать в правоотношениях?»

К примеру, сейчас нейросети создают произведения науки, литературы, искусства. В этой связи возникают следующие вопросы: «Кто автор произведения? Кто правообладатель? Как передавать исключительные права? Кто и как будет нести ответственность в случае их нарушения?»

Еще больше вопросов к сложным роботам, которые оперируют объектами критической инфраструктуры или оружием. Они вполне могут иметь «особые права и обязанности», когда роботы принимают автономные решения. В этом случае ИИ мог бы получить статус, например, «электронной личности» (*e-person*). Потенциальный ущерб, вызванный продукцией с ИИ, мог бы быть покрыт за счет средств, получаемых от ее эксплуатации.

Полагаем, в настоящее время ничто не мешает наделить программу ИИ на соответствующем оборудовании правосубъектностью. Достаточно лишь закрепить соответствующую конструкцию в праве. Можно предложить, чтобы «электронная личность» имела правовое положение, сходное со статусом коммерческой организации. Это создаст особые права и обязанности для агентов / операторов ИИ и не предоставит роботам права человека.

В этой связи предлагают принять: а) руководящие этические рамки для проектирования, производства и использования продукции с ИИ; б) кодекс поведения инженеров-робототехников; в) кодекс этики органов, лицензирующих продажу продукции с ИИ. Однако «этические принципы» — это, конечно, неплохо, но, когда дело коснется интересов государства, они отойдут на второй план.

Вторая проблема. Насколько продукция с ИИ может ограничивать права человека? Надо сказать, что ИИ уже это делает и дальше будет делать еще больше. Назовем лишь некоторые сферы отношений.

1. Неприкосновенность частной жизни. Получили широкое распространение «умные дома», беспилотные автомобили, смарт-телевизоры, пылесосы, часы и др. Установленные в них программы прослушивают телефонные переговоры, мониторят почту, мессенджеры, реагируют на поведение владельца. Электронные устройства накапливают информацию о людях и передают ее неизвестным адресатам. Так что ни о какой тайне частной жизни речи уже не идет.

2. Право на осуществление судопроизводства судьями (мы называем его «правом на человеческое правосудие»). Надо сказать, что в мире уже успешно функционируют системы «цифрового правосудия» (Китай, США, Нидерланды и др.)¹. Программы ИИ разрешают споры физических и юридических лиц, привлекают их к ответственности. Более того, в некоторых странах уже функционируют судебные (например, интернет-суды) и внесудебные (экономические арбитражи), в которых человеческое участие минимально².

Не миновала эта тенденция и Россию. Президент Российской Федерации и Председатель Верховного Суда Российской Федерации активно говорят о внедрении в стране «цифрового правосудия» (в полном значении этого слова) (далее — ЦП)³. Прообразы ЦП уже работают. К примеру, штрафы на основании протоколов систем видеофиксации, программ слежения в период коронавирусных ограничений и др.

Помимо прочего, в мире активно развиваются программы «Предсказанного правосудия»⁴ (далее — ПП). В то время как задача традиционного правосудия — в установленные сроки вынести решение (приговор) по делу, ПП идет дальше. Программа может предвидеть исход спора и оценить шансы на успех будущего процесса. Система ПП позволяет: избрать наиболее правильный

¹ См.: Themeli E. International Commercial Courts Competition in Europe: A Litigation Experience Approach // X. E. Kramer & J. Sorabji (eds.), International Business Courts: A European and Global Perspective, Eleven International Publ., 2019. Pp. 273–296.

² См.: Chinese E-Justice, AI & Legaltech in Courts, and Cyber Court. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/t/chinese-e-justice> (дата обращения: 15.03.2024). Галлямов Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая // Новый юридический вестник. 2023. № 1 (40). С. 34–36.

³ Цифровизация российской Фемиды. URL: <https://www.connect-wit.ru/tsifrovizatsiya-rossijskoj-femidy.html> (дата обращения: 15.03.2024); Путин обсудил с главой Верховного Суда цифровизацию судебной системы. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-obsudil-s-glavoy-verkhovnogo-suda-cifrovizaciyu-sudebnoy-sistemy.html> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ См. подробнее: Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica*. 2019. № 11. С. 79–87; Predicting justice: what if algorithms entered the courthouse? URL: <http://theconversation.com/predicting-justice-what-if-algorithms-entered-the-courthouse-91692> (дата обращения: 15.03.2024).

способ защиты, выдвинуть наиболее подходящие аргументы; оценить предполагаемую сумму компенсации и т. д. После того, как перспективы процесса будут выданы, человеку будет проще принять окончательное решение о способах защиты и методах ведения процесса. Таким образом, речь идет о компьютерных программах, которые позволят спрогнозировать будущий судебный акт по делу.

При помощи ПП не только судьи, прокуроры, адвокаты, юрисконсульты, но и простые граждане, организации смогут предвидеть ход процесса, загрузив необходимые данные. Правда, для этого юридическая информация должна быть структурирована и оцифрована, чтобы сделать ее удобной для принятия решений, но это вопрос технического порядка.

В настоящее время эффективность зарубежных программ ПП около 95 %, и эта цифра постоянно растет. Есть, конечно, некоторые категории дел, где пока сложно предвидеть и учесть все обстоятельства, но программы ПП постоянно совершенствуются и скоро догонят человеческих судей по утверждаемости. Это будет важной вехой на пути к цифровому правосудию.

Надо сказать, что ЦП уже активно развивается за рубежом. К примеру, американские судьи часто используют программы для оценки вероятности совершения подозреваемым повторного преступления. Так, гражданин США Э. Лумис в штате Висконсин был приговорен к шести годам заключения за угон автомобиля. Прямых улик не хватало, поэтому полиция и прокурор использовали программу *COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions — COMPAS)*. Программа (а вслед за ней и суд) обосновывала свое решение о виновности Э. Лумиса высоким риском рецидива такого рода лиц¹. Верховный суд США отказал Э. Лумису в обжаловании приговора суда штата.

КНР пошла еще дальше. В стране уже пять лет действуют три специализированных «интернет-суда», которые онлайн рассматривают дела по электронной коммерции, авторским правам и др. В 2018 году Верховный суд КНР опубликовал «Положения по некоторым вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами»², которые разъяснили юрисдикцию судов и урегулировали процедурные вопросы. По положению доказательства представляются в цифровом виде, а суды для вынесения решений используют ИИ. При этом средняя продолжительность заседания всего 30 минут.

Оценив положительный опыт интернет-судов, власти КНР запустили систему «Умный суд»³ по уголовным делам (далее — УС). Верховный суд Китая требует, чтобы судья по каждому уголовному делу при вынесении приговора консультировался с программой УС. Если судья не согласен с рекомендацией УС (а таких случаев около 5–7 %), он должен представить письменные возражения. В этом случае трое судей проверяют решение УС.

В 2021 году в КНР начала работать программа «Умный прокурор». На основании изучения представленных доказательств и материалов дела она выносит обвинительное заключение (совпадает с человеком до 97 %)⁴. Она используется для обвинений по распространенным преступлениям: мошенничество, участие в азартных играх, опасное вождение, тяжкие телесные повреждения, кражи и т. д.

При должной регламентации вполне можно передать часть уголовных дел ИИ, разгрузив суды от рутинной работы. При этом снизятся коррупционные риски, а контроль будет осуществлять человек.

3. Нарушение права на свободу передвижения. Мы уже это наблюдали при коронавирусных ограничениях. Программы ИИ следили и штрафовали москвичей за выход из дома, несанкционированные поездки на транспорте. Приходили штрафы за отсутствие масок в метро и магазинах.

4. Право на обращение в государственные и муниципальные органы, в компании. Боты-помощники встречают человека «на дальних подступах», их задача попытаться предварительно решить вопрос, по возможности направив конкретному специалисту («отфутболив» заявителя). Фактически речь идет о том, что ИИ принимает на себя некоторые функции исполнительной власти.

5. Нарушение равенства и правил конкуренции. Очевидно, что крупные предприятия имеют больше возможностей внедрять технологии с ИИ, получая конкурентные преимущества.

¹ Loomis V. Wisconsin. URL: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (дата обращения: 15.03.2024).

² 个文件是2018年9月的. URL: http://www.scio.gov.cn/xwfb/gfgjxwfb/gfgjfbh/zgf/202307/t20230705_726509.html (дата обращения: 15.03.2024).

³ 智慧法院. URL: <https://wiki.mbalib.com/zh-tw/智慧法院> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ СМИ: в Китае искусственный интеллект взял на себя функции прокурора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (дата обращения: 15.03.2024).

Не сомневаемся также, что программы ИИ будут оптимизировать расходы крупных компаний, монополизировав рынок и согласовывая маркетинговую политику. Достанется и мелким предприятиям, и потребителям. Массовые сокращения ждут и работников.

Как видим, значительная часть работы в настоящее время, осуществляемая людьми, уже передается и будет передаваться ИИ. Это окажет существенное влияние на системы занятости и социального обеспечения, что еще больше усилит неравенство в распределении богатства и влияния.

Заключение

Таким образом, государство (и общество) все чаще передает функции управления и правосудия программам ИИ. Так что пора подумать о внесении крупных изменений в законодательство и обновлении юридической науки.

Возникает также множество других юридических проблем, связанных с ИИ. Что, на наш взгляд, можно предпринять в поле юриспруденции?

1. Ввести в теорию права понятие юридической личности (*e-person*), поместив ее в один ряд с категорией юридического лица. Соответственно, изменения должны быть внесены и в отраслевое законодательство, и в область науки (гражданское, административное, уголовное право и проч.).

2. В гражданском праве необходимо дать понятие лица / продукции с ИИ как особого вида имущества. Создать единый реестр некоторых предметов / лиц с ИИ с регистрацией договоров в отношении прав на них, определив государственного оператора как лицо, аккредитованное государством.

3. В гражданском праве разработать стандартные положения договора по передаче прав на продукцию с ИИ (об отчуждении, аренде, концессии и т. п.).

4. Вменить действия продукции с ИИ их собственникам или операторам и признать лиц с ИИ объектом повышенной опасности с ответственностью независимо от вины. Ввести страхование ответственности продукции с ИИ (по типу ОСАГО).

Российскую юридическую науку ждут серьезные потрясения. В этой связи есть смысл внимательно изучить зарубежный опыт, чтобы использовать его при реализации отечественной стратегии об ИИ. Возможно, недалек тот день, когда ИИ получит статус субъекта права. Отечественная научная мысль должна быть к этому готова.

Боголюбов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
научный руководитель отдела экологического
и аграрного законодательства Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Особенности эколого-правовых научных исследований

О роли науки, ее положении в обществе, значении для социально-экономического развития страны написано немало с изложением различных точек зрения, но ее состояние и влияние продолжают беспокоить как авторов, так и еще более многочисленных адресатов научных исследований, являющихся компонентами самой науки¹. Обостряющиеся глобальные и национальные проблемы использования природных ресурсов, сохранения окружающей среды обуславливают привлечение внимания к научным исследованиям в этой сфере.

В юридической профессиональной, учебной литературе под научными экологическими исследованиями понимаются: 1) элемент идеологического механизма в сфере охраны окружающей природной среды, охраны и использования природных ресурсов, обеспечения экологической

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Баранов П. П. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений // Гуманитарий юга России. 2015. С. 151; Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012. №3. С. 19–25; Маликова А. Х., Кавкаева Ю. А. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем // Юридические науки. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. Vol. 10-3 (49). С. 143–147.